

Блеклые солнечные лучи растопили почти весь лежавший на холме снег. Молодые побеги оторвались от земли, усердно впитывая всю доступную энергию, необходимую им для дальнейшего роста.

Точно на пасторальной картинке, на покатом склоне, подернутом зеленой дымкой, застыл на фоне голубых небес юный Адонис — лишь ветер трепал полу его дорожного плаща.

Однако если бы кто-то приблизился к нему, то поразился бы невыразимо жуткой ауре, окружавшей его высокую фигуру, всю в черном, и понял бы, что за неземной красотой скрывается абсолютно потусторонняя сущность.

Ди, охотник на вампиров. Весной ли, летом ли, в его бесстрастных глазах в любое время года стоял омут совершенного мрака.

Ди остановился на полдороге к вершине.

Со стороны города к холму приближалась повозка. Это ехала Лина: вилась на ветру грива ее черных волос. Почувствовав, что Ди заметил ее, Лина зарделась, заулыбалась и замахала рукой.

Охотник не помахал в ответ. И хотя дожидаться, когда девушка остановит телегу, подберет подол длинной синей юбки и взберется к нему, было совершенно не в его духе, он помедлил. Похоже, не только у людей — у любых живых существ возникали трудности с восхождением на холм.

— Что привело тебя сюда? — сурово осведомился охотник.

— Ха, между прочим, я собиралась спросить у тебя то же самое. Ладно, так уж и быть, составлю тебе компанию. Как-никак, ты был столь любезен, что подождал меня и все такое.

Девушка запыхалась, но улыбка не сходила с ее губ.

Кожу Лины щекотали мурашки предвкушения, и не только из-за великолепной внешности дампира, но и потому, что рядом с ним было забавно, хотя, возможно, «забавно» и не совсем верное слово: находиться рядом с Ди было интригующе интересно. Лина не могла знать, какой он могучий охотник и что самые опасные типы Фронтيرا съеживаются при одном упоминании его имени. Ей было семнадцать, в этом возрасте девушки смотрят на своих ровесников как на сопляков-молокососов; возможно, и Ди в глазах Лины был всего лишь смазливym юнцом — хотя кто знает, сколько на самом деле сравнялось лет этому отпрыску вечных, нестареющих и бессмертных аристократов?

— Я не ждал тебя, — ледяным тоном отрезал Ди. — Иди обратно. Тебе надо домой.

— Вот еще! — фыркнула, надувшись, Лина. — Здесь, с тобой, я в большей безопасности, чем в городе.

Воистину так.

— Будь по-твоему.

Ди отвернулся, не сказав больше ни слова. Шагал он неспешно, размеренно, но, как Лина ни старалась, как ни карабкалась, ей не удавалось сократить расстояние между ними. Едва добравшись до вершины, она без сил рухнула в тень крепостной стены. Ди же, хоть это и

показалось бы кому-то жестоким, немедленно, даже не оглянувшись, скользнул в развалины и скрылся из виду.

— Нет, это невероятно! Из всех хладнокровных... — Лина даже вскочила и топнула ногой от досады, но тут что-то белое выпало у нее из-за пазухи. Поспешно подхватив потерю, она бережно разгладила ее и убрала за вырез блузки. После чего, крикнув: — Подожди меня, бессердечный дурень! — нырнула в брешь между камнями.

Люди по-прежнему боятся входить в замки аристократов. Их владельцы исчезли по неизвестным причинам, а заброшенные дома и земли оккупировали сорняки и крысы. Автоматические устройства, обслуживающие здания, давно бы сломались, если бы не были выключены самими хозяевами. Видимо, существовали вещи, которых не имела права касаться человеческая рука. Впрочем, от одного вида «графских развалин» любого случайного прохожего пробирал озноб.

Несмотря на сохранившиеся стены, главные ворота и часовня, некогда бывшие здесь основными постройками, совершенно стерлись с лица земли. Внушающая жалость долговязая колокольня, утратившая верхнюю часть, зазубренной щепкой вонзалась в небесный свод. Повсюду на засыпанном снегом дворе валялись груды булыжников и прочих, гораздо менее банальных строительных материалов. Первоначальную форму двора было невозможно опознать — так поработало над ним время, и сейчас последствия этих трудов весьма успешно замедляли движение Лины вперед.

Конечно, девушка не знала, кто и когда привел замок в такое запустение. Это было скрыто за темной пеленой прошлого, и ныне ничто здесь, кроме зыбких щупалец ужаса, не имело отношения к человеческому существованию.

История развалин оставалась загадочной и непостижимой.

Некогда в районе Фронтيرا строилось множество замков — жившие в них аристократы правили оттуда смертными. Для своих дворцов знать обычно выбирала места возвышенные, чтобы взирая на людишек, что копошатся под ногами, сверху вниз. Описания замков и рассказы об их владельцах передавались из уст в уста подданными лордов. Предания множились из века в век, но только не в Тепеше.

Как жили аристократы, что они делали в этой скованной снегом и тьмой лошине — селяне предпочитали не задаваться подобными щекотливыми вопросами.

Ди стоял во мраке того самого зала, где Лина встретила с ним впервые. При виде охотника, молча рассматривающего что-то на стене, Лине вдруг показалось, что молочно-голубой поток времени замедлил свой бег, а то и остановился вовсе.

— Одна из этих картинок пробудила твое воображение? — окликнула Ди приблизившаяся Лина.

Ди, игнорировавший прежние окрики девушки, обернулся — и Лина слегка расслабилась.

— О да, я должен был помнить, что ты поднимаешься на холм обычным образом. Ты часто приходишь сюда?

— Угу, — утвердительно мотнула головой девушка. — Между прочим, я лучше кого бы то ни было в городе осведомлена обо всем, что касается замка. Знаешь, я не в курсе, зачем ты пришел в развалины, но почему бы нам не походить вдвоем?

Краткий миг Ди изучал невинную улыбку Лины, а затем согласно кивнул.

На сырых стенах прочно обосновалась обширнейшая коллекция живописи — аж глаза разбегались.

Глядя на полотна, загадочные хотя бы потому, что сохранились до сих пор, Лина испытывала те же чувства, что и тогда, когда она увидела эти картины в первый раз. Сердце девушки заколотилось в груди, а дыхание стало жарким.

Любовники с прозрачными крылышками порхают в резных тенях омываемой лучами луны рощи.

Бледная аристократка, смеясь, преследует сияющий диск, абрис которого размывает повисший над озером густой туман.

Облаченный в черное аристократ погоняет неземную тварь, что влечет парящую над землей повозку, и фигуры их очерчивают зигзаги бьющих с угольно-черных небес молний.

Лунный свет блестит на роге единорога, танцующие девушки рассыпают цветочные лепестки, сияет земля, обратившаяся садом мерцающих трав, — тени и свет были на этих картинах, симфония света и теней...

— Все это нарисовали аристократы?

Вопрос Лины не был обращен к кому-то конкретно, но слова, вылетевшие из ее уст, звучали песней.

— Тут всегда сумерки и чернота, ночь и лунный свет и еще туман... Так отчего же картины выглядят такими красочными, такими великолепными? Как можно нарисовать мир так мягко, так сюрреалистично, если мы и шагнуть за окраину деревни не можем без того, чтобы не напугаться до судорог? Или ночь аристократов чем-то отличается от нашей?

Ди молча смотрел на семнадцатилетнюю девушку, которой прочили блестящее будущее в Столице. В ее больших ясных глазах искрилось безмерное любопытство, заступившее место невинной наивности.

— С молодых ногтей мы только и слышим о том, как страшны и свирепы аристократы, — продолжала Лина, словно забывшая о стоящем рядом Ди. — Мы не производим ничего бесполезного, создавая только то, что послужит нуждам цивилизации. И все же, когда я смотрю на эти картины, сердце мое замирает, а потом несется галопом. Когда я увидела их впервые, то даже подумала: «Если они умеют так рисовать, то сделайте меня аристократкой хоть сейчас». А потом я тайком стала изучать историю. Мистер Мейер, тот самый, который тогда пропал вместе со мной, тоже интересуется знатью и собирает всевозможную литературу об аристократах, он даже дал мне пару книг почитать, хотя позднее сказал, что нужно всерьез заняться математикой, не отвлекаясь на разные бесполезные глупости, а потому он больше ничего мне не даст... В большинстве своем все, что люди понаписали об аристократах, ничем не отличается от рассказов взрослых жителей нашего городка, но была еще одна книга, книга об истории знати. Ох, как же она называлась...

— «Рассвет аристократии» Сангстера. Она попала под запрет, едва выйдя из типографии, а автора выслали на Фронтир.

— Точно! Именно ее я и имела в виду.

Лина звонко щелкнула пальцами, нимало не удивившись тому, что странствующему охотнику известны столь тонкие подробности; она просто обрадовалась вновь найденной нити разговора.

— Насколько я помню, в ней анализировалось искусство, оставленное аристократами, — картины, голографические изображения, трехмерная музыка, а также освещались некоторые тонкости их культуры. Эту книгу я читала и перечитывала, пока из нее не начали выпадать страницы. Мне хотелось узнать о другом мире, о ночной цивилизации и об аристократах, конечно. Об их знаниях и их красоте. И я... — На этом месте речь девушки оборвалась — она словно опомнилась, пришла в себя и повернулась к Ди. — Уже решено: я еду в Столицу изучать математику. Но на самом деле мне больше всего хотелось бы заняться историей знати.

* * *

Некоторое время они стояли молча, изучая друг друга.

— Шучу. — Лина неожиданно рассмеялась, точно порыв ветра задул свечу. — Да, правда, мне интересна история, но, как кандидат, я должна предстать перед специальной комиссией из Столицы, а они запишут в ведомость, по какой науке я буду специализироваться. Математика, физика, музыка, живопись — черт, я могла бы выбрать даже гимнастику, и все были бы рады по уши. Но если я только заикнусь об истории аристократов...

Лина не стала продолжать — и без того было ясно, что это означало бы крах всех ее надежд на светлое будущее. История знати писалась кровью людей, раздавленных невыносимым бременем страха, и угнетенные никогда этого не забудут и не простят.

— Ну, — начал Ди, — я слышал, политика Столицы постепенно меняется. Кажется, нынешний глава Министерства образования до известной степени ценит наследие аристократов.

— Никаких шансов, — озорно рассмеялась Лина, порхая за спиной Ди, точно бабочка. — Я не собираюсь терять мой единственный билет из этого городишки. Окончательное решение основывается на чувствах комиссии. Так что я твердо скажу им: «Математика!» И точка.

Ди ничего не ответил — он повернулся к картине, висевшей в нескольких ярдах от них.

Это полотно всегда поражало Лину. Вся его поверхность — десять футов высотой, шесть с половиной шириной — была замазана черной как смоль краской. Оно словно бы излучало самые зловещие намерения.

— Помнится, пару раз за время своих странствий я встречал вещи такого рода. Среди десятков тысяч картин, сотен тысяч произведений искусства находилось малое число подобных этой. Некоторые были изорваны в клочья, некоторые сожжены, и лишь одно полотно я видел восстановленным.

Хотя Лина и не подозревала о том, что рассказ этого молодого человека о своем личном опыте — случай не только беспримерный, но и граничащий с чудом, глаза ее все равно засверкали.

— Ну же, не томи! Что на нем было нарисовано?

— Аристократы, восстающие из гробов, тянущие руки к солнцу.

Ну, существуют ли мечты бесплоднее?

Кто мог нарисовать такое? — удивилась Лина. — Кто нарисовал, кто уничтожил, кто

отреставрировал? Неужели и эта картина такая же? Неужели аристократам и вправду хотелось стать такими, как мы?

Ответов не было.

Подол юбки девушки затрепыхался, хотя Лина и не заметила этого. Неизвестно откуда взявшийся ветерок играл складками ткани.

— Почему ты открыл мне это, Ди? — тихо спросила Лина. — Ты сказал, я странная, но если и так, ты тогда совсем чокнутый. Не важно, какие вопросы я хочу задать тебе, понимаю, ты все равно не ответишь, но одну вещь я все-таки желаю узнать. Когда мы встретились впервые, мистер большой и грозный охотник на вампиров, ты рассматривал тут картины, верно? А ты уверен, что действительно ненавидишь аристократов?

Ди отвел взгляд, уставившись во мрак.

— Я потратил больше времени, чем намеревался. Мне пора работать, так что подожди снаружи.

— Вот уж дудки! Мы зашли слишком далеко. Я иду с тобой — и точка.

— Что ж, если что-то случится, пеняй на себя. Я тебя выручать не стану.

— Нет уж, ты спасешь мою шкуру. В конце концов, я твой ценный помощник!

— Эй, не обольщайся, — в смятении отрезал Ди.

Сегодня Лина явно творила чудеса одно за другим.

— Лучше покамест поведай мне, что привело тебя в эти развалины, босс, — с самым серьезным видом проговорила девушка.

Ди тяжело вздохнул. В очередной раз Лина просто вила из него веревки.

— Я собирался выяснить, что произошло тут десять лет назад.

— Понятно, — печально кивнула Лина. — Неясно, как на это смотреть, но в нас троих явно есть что-то странное. Аристократы никак не «могут гулять под солнцем в разгар дня. И потом, глянь, что случилось с Квором!

Когда поутру юноша пришел в себя, обнаружилось, что его физические силы невероятно истощились, кроме того, он не отвечал на расспросы мэра и шерифа.

Было чрезвычайно сложно поверить, что во время ночного инцидента он случайно оказался не в том месте и в неподходящее время. Даже если он слышал о нападении на женщину, что маловероятно — всем осведомленным о происшествии было строго приказано хранить молчание, — Квор по-прежнему оставался объектом охоты Дружины юнцов. Не стоит и говорить о том, как тщательно обыскали они всю прилегающую к дому территорию. Ведь и существо, которое за неимением лучшего окрестили «скотодухом», в прошлый раз также появилось в присутствии Квора.

— Даже сейчас все подозревают нас. Общеизвестно, что у нас с Квором получается взбираться на холм нормально, и, пари держу, у мистера Мейера тоже проблем с восхождением не возникнет. И знаешь, на каждого из нас троих нападали головорезы из местной Дружины

юнцов просто потому, что эти тупицы полагали нас за аристократов, бодрствующих днем.

— Тебе повезло, что ты уцелела.

— Это благодаря мэру. Он в нашем городке большая шишка. У него хорошо получается добывать средства из Столицы и выдвигать идеи, касающиеся защиты деревни от монстров. Если бы не он, наше поселение уже давным-давно стерли бы с лица земли, хотя, по-моему, это было бы только к лучшему.

Осознав жестокость собственных слов, Лина потупилась. Как-никак, мэр был ее приемным отцом.

— Но даже ему не доказать, что мы не причастны к нападениям. Видишь ли, во время последних происшествий рядом с нами никого не было.

Этот факт, вместе с переданным мэром списком, хранился в надлежащем отсеке памяти Ди.

Холостяк мистер Мейер жил один, Квор ночевал в пустом заброшенном доме, а Лина после заката обычно поднималась в свою комнату.

В общем, троице до сих пор еще никто не причинил особенного вреда, если забыть о методах силового давления дружинников, только потому, что с момента их исчезновения и последующего возвращения прошло почти десять лет.

— Ты и раньше поднималась на холм. С тобой больше не случилось ничего необычного? — спросил Ди, подняв вверх указательный палец правой руки.

Мимходом удивившись странному жесту — так проверяют, откуда дует ветер, — Лина покачала головой. Это был честный ответ.

Ди кивнул, пробормотав:

— Здесь, я бы сказал.

И неясно было, относился его кивок к ответу девушки или нет.

Вскоре перед шагающей сквозь тьму парой оказалась резная дверь. Лина знала о ее существовании, но по ту сторону не бывала. Она еще не достигла того возраста, когда любопытство способно пересилить страх.

Девушка уже приготовилась к тому, что ей в очередной раз велят отправиться домой, но Ди без промедления толкнул створку и растворился в еще более густом мраке. Лина кинулась за ним — и оторопела, оглядев дверь сбоку. Створка представляла собой четырехдюймовую плиту из прославленной суперстали. Двадцать дюжих мужчин и то с трудом сдвинули бы ее. В первый раз Лина почуяла, какие сверхъестественные глубины таятся в юноше, только что шагнувшем в темноту.

Девушка сделала шаг, хотя дико боялась, что чернота невообразимого мира проглотит ее, — этот ужас ледяным шипом буровил затылок Лины.

* * *

Голый лес так и переполняла жизнь. Предвесенняя свежесть проникала в легкие Бесс Ферн и растекалась по всему телу, даря шагам особую, радостную легкость.

Сойдя с тропинки, девушка обнаружила, что воздух вдруг стал слишком уж влажным. Зима еще не кончилась, но в этом уголке чащи было неестественно жарко. Темные стволы поросли мхом и плесенью таких пронзительных оттенков синего, зеленого и фиолетового, что аж тошно делалось.

Бесс шла дальше, стараясь лишь не поскользнуться, и в конце концов опустилась на колени V корней толстеного кряжа.

Приказ шерифа день-другой не гулять в одиночку не успел достигнуть дома Фернов до ее ухода.

На кругленьком мальчишеском лице Бесс расплылась улыбка.

Как и ожидалось, съедобный мох, подчистую собранный примерно три дня назад, плотно забил пространство между переплетающимися корнями. Девушка спать не могла от страха, что кто-то уже снял урожай, и правильно поступила, что поспешила проверить.

В деревнях и хуторах Фронтира такой мох служил ценной заменой пищи и использовался практически в любом блюде, от бифштексов до супов и варений. Высушенный на солнце, он хранился месяцев шесть, если не больше. Кроме того, с помощью центрифуги-сепаратора получали моховой экстракт. Раны, обработанные целебной мазью на его основе, заживали почти мгновенно, а сок мха нейтрализовывал токсины при укусах ядовитых мотыльков. Снадобья из мохового экстракта являлись предметом первой необходимости для путешественников и прочих людей, работавших на свежем воздухе.

Бесс планировала обменять выращенный ею мох у торговца, что должен был приехать в деревню в начале весны, на какое-нибудь модное столичное платье. Перед мечтательными глазами девушки-подростка уже стоял ее собственный образ в дивной обновке.

Осторожно воткнув совок в место соприкосновения мха с почвой, Бесс принялась бережно, чтобы не раскрошились мягкие зеленые побеги, собирать урожай в корзинку. Десять минут — и та полна доверху.

Однако добра еще осталось немало. А отец Бесс, между прочим, тоже любит полакомиться свеженьким мхом.

Пожалуй, она возьмет еще чуть-чуть... Да только вот руки, протянутые к «грядке», застыли на полпути. Облако заслонило солнце. Нет, не облако — чернота, накрывшая Бесс, явно была тенью, только вот человеческой ли?

Последним актом неповиновения стал отчаянный визг семнадцатилетней девушки.

Кир Ферн тотчас узнал голос дочери, эхом взлетевший над верхушками деревьев. Услышав приказ шерифа и осознав, что девчонка убежала одна, он заторопился за ней, нимало не сомневаясь, что Бесс отправилась в мшистую чащу, о которой столько болтала на днях. Рослого мужчину буквально трясло от злости и отчаяния.

Выкрикивая имя дочери, он рвался вперед, на ходу отстегивая крышки прицепленных по бокам к поясу больших коробов. То, что скрывалось в них, тоже торопилось: справа послышался грубый звериный рык.

Внезапно из левого короба брызнули фиолетовые искры, и Ферн поспешно отдернул руку. Возможно, он и привык к такому, но с этими скотами всегда сложно управляться. Кончики

пальцев изолирующей перчатки на левой руке мужчины оказались опалены, а от материала, что не проводит электричества, тянулся голубоватый дымок.

Ферн добрался до места, откуда летел крик дочери, и остолбенел от ужаса.

Пустые глаза Бесс невидяще смотрели в небеса, а по горлу девочки, тело которой покачивалось на руках смутной фигуры в пепельно-серой одежде, бежали два красных ручейка. Кожа ее была белее воска. Отчаяние, охватившее Кира Ферна, породило лавину неудержимого гнева. Уже не думая о спасении дочери, он сорвал с коробов крышки.

Пепельная фигура повернулась к мужчине.

Тело Бесс и монстры из кузовов Ферна упали на моховой ковер одновременно.

Их было двое, но более несхожей жуткой парочки мир еще не видел.

Удерживаемые до поры волей хозяина, гигантский паук с восьмью твердо стоящими на земле десятифутовыми тонкими ножками и мерцающее фиолетовое облако обратились в сторону убийцы девушки.

Всякий осведомленный о роде деятельности Ферна стократ подумал бы, прежде чем поднять руку на его дочь. Тем, кто много путешествует, необходимы средства защиты от безжалостных разбойников и выведенных аристократами демонов, и для этих целей часто приобретаются сверхъестественные существа со сверхъестественными же способностями — скотостражи. Так уж вышло, что Ферн, глава Комитета бдительности, дрессировал и продавал их.

Хотя скотостражи и являлись потомками настоящих демонов и магических чудовищ, выпестованных аристократами, каждое поколение приносило в мир бесчисленные мутации и порождало новые виды. Около двух тысяч лет назад появились редчайшие породы, поддающиеся приручению. В процессе дрессировки особям с рождения строго-настрого внушали: бездействовать, пока некая акустическая волна или магическая формула — сигналы, не понятные никому иному, — не активирует их.

Такие вот монстры служили Ферну.

И хотя непостижимым казалось уже то, что огромный паук помещался в корзине размером с птичью клетку, фиолетовое облако представляло собой куда более странное зрелище. Дымчатая масса, около полутора футов диаметром, клубилась в его центре, и каждый раз, когда в мутном ядре вспыхивал свет, от всего облака летели фиолетовые искры.

В коробе Ферна сидела одна из самых причудливых форм земной жизни — электротварь.

Ферн издал неразборчивый вопль — тайный сигнал, приказ немедленно атаковать.

Паук ринулся на врага со скоростью, совершенно не вяжущейся с его размерами. Сверкающее облако поднялось в воздух.

Фигура в пепельных одеждах напряглась. Раз! Серебряная вспышка — и посыпались фиолетовые искры, смешивая в этом уголке леса свет и тьму. Два! Кувыркнулась в воздухе отрубленная у второго сочленения паучья ножка.

Один взмах длинного меча чужака лишил атакующего арахнида конечности, а первый же электрический разряд, выпущенный облаком, был парирован серым рукавом.

Ферн замер в недоумении. Облачные искры несли более полумиллиона вольт.

Меч чужака вращался, отражая наскоки электротвари и стремясь поглубже войти в тело чудища. Рукава пепельного балахона горели.

Внезапно острие меча замерло.

Как ни старался посланец сумрака, клинок даже не шелохнулся, застрял, точно его удерживала скальная порода.

Тогда незнакомец, бросив оружие, прыгнул вверх. Тут же, останавливая его прыжок, фигуру в пепельно-сером окутало множество тонких белых нитей.

Паук, обычно передвигающийся только по земле, в единый миг оказался сверху врага. И поскольку нити тянулись не из брюшка, а из-под массивных жвал, выходило, что он был мутантом и напоминал паука лишь внешне. Псевдоарахнид свисал с огромного сука циклопического дерева, держась на одной-единственной паутинке, куда более тонкой, чем у настоящих пауков, и намного более липкой. В ее крепости сомневаться тоже не приходилось — паук с легкостью держал на весу тяжелую фигуру, потихоньку подтягивая добычу к страшным жвалам.

Возможно, пепельный злодей уже сдался, а то и вовсе испустил дух, поскольку в его неподвижное тело уже попало несколько фиолетовых молний и тело теперь ощутимо дымило.

— Получай, сукин ты сын! Дерьмовый кровосос! Либо разряды поджарят тебя до хрустящей корочки, либо челюсти моего паучка перемелют тебе кости. — Смех Ферна был исполнен ненависти. — Но прежде я хочу взглянуть тебе в лицо, мелкий ублюдок! Кто ты?! Квор? Лина? Учителишка Мейер? Или ты...

Еще одна нить приклеилась к маске, скрывающей черты лица врага, и проворно сорвала ее.

— Но ты же?!

Что же оборвало потрясенное восклицание? Не жгуче ли алые лучи, брызнувшие из глаз посланца сумерек? Или же ледяные руки, нежно легшие на плечи мужчины?

— Ох, папа...

Озорные слова дочери пощекотали шею Ферма за миг до того, как острые клыки вонзились в его плоть.

* * *

Укрывшись за стволом титанического дерева, некий равнодушный свидетель наблюдал исход драмы. На изнуренном, осунувшемся лице сверкали глаза Квора, изо всех сил пытающегося подавить крик.

* * *

Когда глаза Лины привыкли к темноте, она обнаружила, что они с Ди спускаются по широкой лестнице. Над ними нависал каменный потолок, по сторонам тянулись каменные же стены, но проход отчего-то не вызывал сокрушающей клаустрофобии, обычной спутницы углубившихся в тесные туннели. Напротив, Лину охватило ощущение, что за стенами, мимо которых они

шагают, раскинулись огромные просторные помещения.

Кое-где на стенах и потолке мерцали огоньки, наводящие на мысль об охранных датчиках и прочих следящих устройствах.

— Знаешь, чертовски трудно поверить, что эти подземные покои так велики. Мы, должно быть, спустились уже ярдов на сто, — с отвращением пробурчала Лина в спину шагавшему впереди Ди.

Они шли почти полчаса, и девушка больше не жаждала приключений.

— Даже не на десять.

— Ты шутишь!

— Расслабься. Еще минута — и конец пути.

Как и обещал охотник, через шестьдесят секунд пара подошла к щиту, кажется стальному.

Ди поднес висевший на его груди медальон к компьютерному идентификатору.

Заслон тут же исчез.

По ту сторону их ждала тишина, подобная объятиям печальных сумерек.

Рот Лины сам собой приоткрылся от удивления.

Помещение напоминало гигантскую лабораторию, но ни один кабинет исследователя не шел с ним ни в какое сравнение.

Стены здесь, как и в коридоре, были каменные; выложенные булыжниками валы поднимались на тридцать футов над полом. На расставленных рядами крепких деревянных столах громоздились бутылки, пробирки, пузырьки с разноцветными жидкостями — обстановка вполне соответствовала представлениям о лаборатории средневекового алхимика. Повсюду из теней выступали страшноватые предметы, которым тут самое место; в сочетании с голубоватым освещением они создавали совершенно не поддающееся описанию настроение. Но среди всех этих старомодных колбочек не могли затеряться позитронный мозг, электроанализатор, а также преобразователь материи — последние достижения сверхнауки, воплощение старинных сверхтехнологий. Вот отличный пример двойственности, характеризовавшей мир аристократов.

— Поверить не могу, что тут все сохранилось, — охнула Лина, озирая комнату. — Похоже на какой-то исследовательский центр, да? Не знаешь, над чем они работали, Ди?

Не получив ответа, девушка оглянулась на охотника, который, остановившись у одного из столов, пристально изучал нагромождение флаконов и причудливых шаров, валявшихся в полном беспорядке. Затем охотник шагнул к ближайшей панели управления, и руки его споро заскользили по клавишам.

— Только не говори, что ты и с компьютерами умеешь...

Не успела Лина договорить, как завибрировал, загудел воздух и все находящиеся в комнате машины начали оживать.

Замысловатые узоры, непостижимые символы, длиннейшие формулы — совершенно

незнакомые Лине — бешено заскакали по экрану компьютера. Ди всматривался в эту мешанину не дольше пары секунд, после чего быстро щелкнул каким-то рычажком, отключая все, и двинулся в глубину обширных покоев, даже не оглянувшись на девушку.

— Эй, подожди меня! Экий ты резкий. Не бросишь же ты свою помощницу, а?

Но только Лина хотела побежать за ним, нога ее подвернулась, и красавица, взвизгнув и ухватившись за стеллаж с мензурками, упала на пол, произведя немало шума и перебив кучу склянок.

— Ох, черт, больно...

К счастью, она не разможила себе голову, но, потирая ушибленное место пониже спины, зыркнула на вернувшегося на шум Ди с глубочайшим омерзением.

И тут глаза ее резко сузились.

Что это за стена неопределенного цвета растет оттуда, где сплелись щупальцами потоки пролитых жидкостей? Что поднимается над полом, похожее на туман или дым, но не дым и не туман? Что извивается в мутной дымке? Будто борется. Да-да, борется и злобно ругается.

Когда же что-то мягкое и жирное внезапно высунулось из тумана и вцепилось Лине в щиколотку, девушка завопила.

Пронизанная темно-красными прожилками и кровеносными сосудами, вымазанная в какой-то неведомой слизи — это была гигантская младенческая рука. Только трехпалая.

Лина, дико рванувшись, освободилась, и пальцы, тщетно ощупав пустоту, обессиленно сжались на полу.

Пока девушка ошеломленно наблюдала, как рука растекается, превращаясь в вязкую лужу, Ди подхватил «помощницу» и легко поднял ее на ноги.

— Гомункул, — объяснил он. — Искусственная форма жизни, порожденная электрическим разрядом и замороженным эфиром.

— Да? И что же он тут делает? Что это вообще за адское местечко?

— Иди за мной. Если боишься, лучше, конечно, отправляйся домой, но, полагаю, уже слишком поздно. — Невозмутимо озирая лабораторию, Ди вдруг произнес: — Я слышал, с вами был еще один ребенок, который так и не вернулся. Ты помнишь хоть что-нибудь, что произошло с тобой здесь?

— Нет. Я уже сто раз пыталась вспомнить. Я пыталась, мистер Мейер пытался, и даже Квор.

— Даже Квор?

Лина подняла взгляд на Ди. Он был на голову выше ее. Лицо девушки выражало такую тревогу, такое волнение и смущение, что непонятно было, как могли эти чувства скрываться так долго.

— Понимаешь, когда мы вернулись, нас забрали от родителей и поместили в лечебницу. Шериф и Комитет бдительности исследовали нас целую неделю. А когда они поняли, что таблетки и гипноз не работают, нас раздели догола и принялись колоть иглами. Этот метод распознавания аристократов изобрели в нашей деревне. Серебряные иглы втыкаются тебе в

соски и ягодицы, и в зависимости от того, как течет кровь, делается вывод, вампир ты или нет.

Ди промолчал.

— В случае с девочками это обычно проделывает жена кого-то из членов комитета, но меня проверяли только мужчины. Они менялись, чередовались, сравнивали результаты... Кто только меня не колот! Старина Гастон с мельницы, парни со скотобойни и даже мэр. Думаю, он удочерил меня, чтобы как-то возместить ущерб.

Внезапно Лина лучезарно улыбнулась и выставила указательный пальчик, нацелив его на лицо Ди:

— Боже, не корчи такую физиономию! Я уже давным-давно все простила и забыла. Глядя на тебя, я не вспоминаю о старых обидах. Так что почему бы тебе не попробовать улыбнуться для разнообразия?

— Таким уж я уродился.

— Ого! Впервые ты заговорил о себе. — Девушка хихикнула. — Я тебе нравлюсь? Это совсем на тебя не похоже.

— Это не твоя забота.

Едва губы Ди сомкнулись, голубоватый свет, наполнявший комнату, внезапно потух.

На Лину, не успевшую понять, что это сделано специально, накинудись сзади, схватили и потащили к стене.

— Ди!

Что-то вроде необычайно липкой холодной ладони запечатало девушке рот, но тут где-то на краю поля зрения сверкнула серебристая молния, раздался хруст, точно сломалась кость, — и Лина оказалась на свободе.

Под вой, от которого хотелось зажать уши руками, меч Ди с шелестом рассекал воздух, что-то, треща, разваливалось на куски и шлепалось о землю — и звуки эти повторялись снова и снова.

И наконец до Лины дошло, что она окружена неведомыми существами.

Страшная догадка сдавила сердце девушки. К ней — несомненно! — только что прикасалась человеческая рука. Рука Таджила, без вариантов. Но там, во тьме, прячется не одно создание...

Лина пыталась припомнить, каким был Таджил в детстве. Вот смуглый мальчик, стараясь выглядеть угрюмым, протягивает ей венок, сплетенный куда искуснее, чем это получалось у нее, вслух жалуясь на то, какая это скука — собирать цветы. Тот самый Таджил, который примчался с гвоздями в одной руке и сварочным аппаратом в другой, когда крышу ее дома сорвало бурей, и полдня работал, устраняя повреждения. Естественно, мысль о том, что он делал все это из любви к ней, наполняло семилетнее сердечко гордостью и тщеславием: Лина скорбела по потере поклонника даже больше, чем родители мальчика о сыне.

— Остановись, Ди! Перестань!

Словно ждавший крика-сигнала, вспыхнул голубой свет, отбросив на каменный пол тень Лины.

В нескольких шагах от девушки стоял Ди, убиравший меч в ножны. Вместо гротескных фигур, которые Лина ожидала увидеть, по плитам растекалась огромная темно-красная лужа. Лужа крови. Приглядевшись, юная леди заметила несколько тонких ручейков, бегущих к одной из стен. Инстинктивно шагнув к охотнику, Лина спросила:

— Что это, Ди? Посмотри-ка сюда.

Ди было не ответил, но затем, окинув взглядом стену, пробормотал:

— Странно, он был не один.

— В каком смысле?

— Ответы лежат за этими камнями. Мы можем пробиться туда, но сейчас, когда мы знаем, что там что-то есть, нам лучше всего вернуться домой. Когда этим тварям отрубает руки, они уходят, унося все, кроме крови.

— Но какого дьявола — это не может быть Таджил...

Ответа она снова не получила, но, когда девушка вопросительно глянула на ледяной лик Ди, ее пронзило глубокое, сбивающее с толку чувство, куда более сильное, чем страх. Потупившись, она вновь уставилась на каменную стену.

* * *

Не обменявшись больше ни словом, двое спустились к подножию холма.

Прекрасный профиль охотника оставался по-прежнему бесстрастным — недавняя встреча с жуткими монстрами как будто совсем не потревожила Ди. Лина украдкой бросала взгляды на своего спутника, ужасаясь его несокрушимой выдержке.

Ей хотелось задать ему миллион вопросов: почему они так легко нашли подземную лабораторию; что он заметил там; какие чудовища набросились на них; где Таджил; а больше всего — что сделали с ней и другими десять лет назад?

Однако, когда она в очередной раз посмотрела на профиль молодого охотника на вампиров, который можно было даже назвать меланхоличным, любопытство вдруг увяло и что-то теплое окутало девичье сердце.

Неужели она и вправду потащилась за Ди с тем, чтобы пролить свет на тени десятилетней давности? Ох, едва ли...

— Я собираюсь объехать деревню, — неожиданно заявил Ди.

Только сейчас Лина заметила, что они стоят возле ее повозки. Неподалеку, не обращая внимания на людей, щипала траву лошадь Ди.

— Что ж, и я с тобой... — машинально откликнулась Лина, но ответные слова Ди больно укололи и разочаровали ее:

— Нет, мы расстанемся здесь. И в будущем я попрошу тебя не вмешиваться в мою работу.

Ни выражение его лица, ни тон ничем не отличались от обычных, но Лина ощутила пронзительный холод, точно вдруг ударил мороз. По привычке она хотела возразить, но слова

застряли в горле.

— Езжай в школу или домой, но по пути не останавливайся. И ни с кем не оставайся наедине. Даже с теми, кого хорошо знаешь, — сказал Ди, вскочив на лошадь.

«Угу, правильно. Придира мелочный. Тебя хоть сколько-то заботят чувства других?»

Девушка напустила на себя угрюмый вид. Она попыталась сказать что-то, но слова не шли. Хуже того, уголки глаз так и горели. Нет, она нипочем не разревется — для слез еще слишком рано!

В воздухе уже повисло напряжение — это дала о себе знать грозная аура, излучаемая Ди. Девушка почувствовала, как покрывается гусиной кожей.

Ощущение было таким жутким, что Лина даже не осмелилась спросить, в чем дело, и лишь повернула голову туда, куда смотрел Ди.

По тропе со стороны города к ним неслись конь-киборг. По знакомой гнедой масти и энергобаку десятого типа на брюхе Лина опознала скакуна шерифа. Летящий во весь опор конь резко остановился возле них, подняв облако пыли.

— Так и думал, что найду вас тут. Тебе лучше пойти со мной. — В голосе шерифа звенело нетерпение.

— Откуда ты узнал, где мы? — спокойно спросил Ди.

— Один фермер видел телегу Лины, катящуюся к холму. Квор сбежал.

— Я полагал, кого-то поставят сторожить его.

— Один из парней из комитета задремал, когда мальчишка еще крепко спал. Ничего не поделаешь. Все мы из плоти и крови.

— Скажи это аристократу, который в следующий раз нападет на тебя, — и он, принеся извинения, отправится восвояси.

Шериф промолчал, проглотив горький сарказм охотника.

— Куда он пошел? — спросил Ди.

— Неизвестно. Но боюсь, если мы в ближайшее время не найдем его, то самосуда не избежать. Видишь ли, после вчерашнего появления Квора Комитет бдительности решил, что он, может, и не преступник, но в сговоре с виновным. Мы приглядываем за домом мальчишки, но, похоже, он туда не возвращался. Остается лес. Я проверю северную чашу, а тебе хорошо бы заняться южной.

Ди молча развернул лошадь. Местную географию он изучил с одного взгляда на данную ему мэром карту.

— Поспешి домой, — бросил охотник застывшей Лине, перед тем как пустить скакуна в галоп.
— Тебя ждет свидание со Столицей.

Пока оцепеневшая девушка готовила возражения, Ди уже был далеко.

Шериф ринулся догонять охотника.

Блюститель закона не верил своим глазам. Он гнал во весь опор, но расстояние между всадниками ничуть не уменьшалось. И не благодаря лошади Ди. По роду своей деятельности первое, на что обращал внимание шериф, когда кто-то посторонний прибывал в их городок, так это на коня чужака. Он обнаружил, что если имеешь представление о животном, на котором ездит пришелец, то в случае чего — вдруг придется преследовать незнакомца! — очень легко составить стратегию погони. Лошадь Ди была совершенно обычной, заурядной, из тех, что можно купить повсюду. Даже отрегулированной и перенастроенной, ей не сравниться со сделанным на заказ первостатейным жеребцом шерифа, который на две мили в час стремительнее и на двадцать процентов выносливее любого среднестатистического киборга. Итак, лошади охотника было далеко до жеребца шерифа, однако последний уныло шел в хвосте гонки!

«Какого черта... Этот парень колдун, что ли? Кажется, он вроде как вампир...»

Понимание сверхъестественной силы охотников на вампиров, их способностей, известных людям лишь по слухам, мало-помалу начало проникать в сознание законоблюстителя.

Далеко оторвавшись от шерифа, Ди влетел в южный лес, остановил лошадь и прикрыл глаза. Секунда — и он повернул скакуна к густым зарослям справа. Услышал ли шепот ветра или уловил в воздухе отражение чужого присутствия?

Не прошло и минуты, как он наткнулся на людей, с искаженными лицами бегущих в чащу.

— Осторожнее! — вскрикнул один.

— Тпру! — завопил другой.

Ди резко остановил лошадь, рассеяв перепуганную толпу, не ожидавшую встречи со всадником.

— Где Квор?

При звуке голоса охотника — очень мягкого голоса! — мужланы застыли как пригвожденные. Ди устремил взгляд на очевидного предводителя толпы, того самого, который присутствовал при вчерашнем ночном происшествии.

— Он... ну, с ним все в порядке. Мы ничего не сделали. Это... мы его нашли, хотели чуток поколотить, но тут мимо проходил мистер Ферн.

— Ферн? Он тоже искал Квора?

Человек поспешно замотал головой.

Нет, Ферн не участвовал в поисках, Квора они обнаружили торчком торчащего посреди чащи. Мужчины, самым решительным образом настроенные заставить недоумка рассказать все, хотя бы пришлось и душу из него вытрясти, окружили несчастного, но, едва они собрались приступить к делу, показался Ферн. В другое время глава Комитета бдительности, человек грубый и жесткий, не замедлил бы первым протянуть Квора кнутом, но сейчас его словно подменили: Ферн заступился за убогого и увел его к себе домой. По крайней мере так он сказал. Этим и объяснялось замешательство, написанное на лицах линчевателей.

— С Ферном был кто-нибудь еще?

— Никого.

— Давно они ушли? И где вы нашли Квора?

Мужчина ткнул пальцем себе за спину:

— Иди прямо, увидишь — поймешь. Там повсюду мох и куча следов. А ушли — и десяти минут не прошло.

Последние слова мужчины заглушил звон железных подков.

В первую очередь Ди наведлся к дому Ферна. Секундный осмотр — и взгляд его упал на строение, напоминающее воткнутое в землю расщепленные бревна: конуру сторожевых монстров. Двор окружал высокий частокол, а перед воротами странной формы стояли Квор и Ферн.

— Что тебе надо? — спросил Ферн, на лице которого отразилось удивление: он не ждал Ди.

— Зачем ты пошел в лес? — вопросом на вопрос ответил Ди, не слезая с лошади.

Ферн нехорошо усмехнулся и положил руки на прицепленные к бедрам короба:

— Кажется, ты не в курсе, чем я занимаюсь. Предположим, я ходил набрать мха и жуков для своих сторожевых зверюшек. Не знаю, что ты хотел выяснить, задавая вопрос, но двое из них у меня здесь. Желаешь убедиться, правду я говорю или нет?

Тут Ферну на миг показалось, что между ним и Ди ударила белая молния. Мужчина заморгал.

— Верни мальчика, — сказал как отрезал Ди, игнорируя провокации главы комитета.

— Интересный способ общения ты выбрал — ведешь себя так, словно я какой-нибудь мелкий воришка. Парню будет гораздо лучше в моем доме, чем с каким-то недоделанным охотничком черт-те знает откуда. У нас хозяйничает женщина, и думаю, ему не повредит узнать, как живут культурные люди.

— Внезапно вспылал любовью к ближнему своему? — поинтересовался Ди, вокруг которого сгущалась жуткая аура. Тихим, но резким, как лучший из клинков, голосом охотник спросил: — Что случилось в лесу?

Ферн молчал. На мрачном его лице читались самые убийственные намерения, а костлявые пальцы поползли было к крышкам коробов. Ди не шелохнулся. Любопытно, как он собирался отражать атаку двух лютых тварей, не слезая с лошади и будучи ограниченным в движениях?

Однако поток ненависти, текущий от одного мужчины к другому, внезапно перегородила плотина: долговязая фигура встала между Ферном и Ди.

Не кто иной, как Квор, застыл перед охотником. Глаза его были полны молчаливой мольбы, парень тряс головой и показывал рукой на ворота. Пытался ли он сказать, что просит Ди уйти?

Возможно, из-за него Ди и развернул лошадь.

— Уже покидаешь нас? В следующий раз, когда покажешься здесь, лучше держи свой ножичек

наготове. У меня тут всякого добра вдоволь, а уж зла и подавно! Вроде этого!

Самоуверенная речь Ферна резко оборвалась. Короба было не открыть!

По ушам смертельно побледневшего человека, осознавшего, что крышки крепко-накрепко припилены острыми деревянными иглами, наотмашь ударил насмешливый стук копыт.

* * *

Ди спешил только в лесу, близ места трагедии. Как сказал человек из Комитета бдительности, следов было много, даже слишком много. Где-то здесь толпа наткнулась на Квора, а совсем рядом Ферн и его дочь познакомились с кошмарными клыками вампира. Однако Ди ступил на землю, даже не поморщившись.

Из неплотно сжатого левого кулака Ди раздался ехидный голос:

— Становится интересненько.

— В смысле?

— Этот типчик Ферн — странный он, странный. И мальчишка, у которого молоко на губах еще не обсохло, тоже странный. Какого дьявола он пошел с мужиком, который верховодит в ватаге, что намерена выбить из него последнее дерьмо? В чем тут дело? Но ты, кажется, уже начал кумекать...

— Юнец хотел пойти с Ферном больше всего на свете. — Весьма редко Ди использовал такой вот дразнящий тон. — Попробуй прочти мои мысли. Кстати, если силы к тебе вернулись, мне потребуется кое-какая помощь.

— До восстановления еще далеко. Дай мне денька два-три, и я оправлюсь в собственном темпе. А еще у меня для твоих ушей припасена чертовски интересная история, но ее час пока не настал.

— Жду не дождусь.

Ди оборвал беседу и остановился. Как ни странно, на этом самом месте сумеречная фигура набросилась на дочь Ферна.

Охотник внимательно разглядывал какую-то точку у своих ног.

Разноцветный ковер уже поглотил все следы борьбы. Здешняя плесень росла чрезвычайно быстро.

Напряженно всматривающиеся глаза постепенно краснели. Болотные испарения подозрительно завихрились, а точеное лицо охотника обернулось маской вампира.

Не отрывая алого взгляда от маленького, заросшего грибком пяточка, Ди вынул из кармана прозрачный цилиндр размером с мизинец и опустил на колени.

Что он хотел обнаружить, если для поисков возникла необходимость превратиться в вампира? Поместив в стеклянную трубочку щепотку земли, Ди медленно осмотрелся, и, словно притянутая его взглядом, с высоких небес устремилась к дампирю черная туча.

<http://tl.rulate.ru/book/51824/1792148>